

Талерман Мария Ушеровна, 1924 г.р.

Собиратели: Х.Х.

Респондент: М.У. - Талерман Мария Ушеровна

Продолжительность интервью: 45 минут

Х.Х.: Скажите, пожалуйста, Ваши фамилию, имя и год рождения.

М.У.: Талерман Мария Ушеровна, 1924 года.

Х.Х.: А кто были Ваши родители, откуда Вы приехали?

М.У.: Я приехала с Винницы, вообще мои родители жили в Виннице. Это когда организовывались колхозы... Господи, забыла. Это направили туда на организацию этих вот колхозов. Вот мы туда и поехали в Царский район, деревню я не помню, но потом назвали ее колхоз «Молотов». Потом они организовывали еврейские колхозы, отец мой был председателем колхоза до войны, это было 33 по 41-ый год. Началась война, отца забрали в армию. А мы там были до 41-го. Он еще нам писал: «Никуда не уезжайте». Короче говоря, а потом немцы были на вокзале, мы в чем стояли...

Таким образом, родили мы...

Х.Х.: В этом районе? В районе Крыма?

М.У.: Да, в районе Крыма, а потом я была в комсомольской организации. Как раз стали эвакуировать скот на Кубань же. Я как от комсомольской организации, погнали скот на Кубань пешком.

Х.Х.: А родители Ваши? Что с ними случилось?

М.У.: Мать была со мной и сестра, мы все вместе. (Плачет) Мы дошли до Тиберды, это курорт где-то возле Кавказа был. Таким образом согнали скот мы в Краснодаре и там и остались, пока немцы не зашли на Кубань. Сначала позвали меня на курсы, сестры еще моложе меня, мне было 17, а ей еще меньше.

Х.Х.: А профессия какая Ваша? Где Вы получили образование?

М.У.: Я по профессии была... Я училась в Тартабе.

Х.Х.: Что это?

М.У.: Агрономом. Но я не закончила, как раз осталось госэкзамены сдавать, и началась война, так что у меня по сути никакой. И на курсы огородников... Закончила эти курсы. Увидели, что, наверное, из меня ничего не будет, поставили завклубом. Вот так. Знаете, как во время войны, людей-то не было, а с меня-то спрос какой, Господи. Семнадцатилетняя. Ну, а когда вот это немцы зашли на Кубань, мы опять стали эвакуироваться. Пешком дошли до Тиберды, там наши воинские части отступали... Да, ночевали на этих ледяных горах. Захватить с собой ничего не могли, благодаря вот... стакан да сухари, да лошадь где какая-нибудь упадет. Вот таким образом мы добрались до Сухумы. В Сухуме там было, и туда, значит, пошли. Нам дали направление в Казахстан. Дали хлеб, дали направление, поезд бесплатный. Приехали мы в Казахстан, холода. Нас распределили в Семинярский район, мы туда приехали, вот. Сестра заболела. Приехали туда, а там чечены, ингуши, все высленные, раскулаченные, когда Сталин... Боже мой! Никто нас на квартиру не берет, никто не хочет смотреть на нас. Оборванные, нищие. А там какая-то женщина, она раскулаченная была, она нас приняла. Только с таким договором, что мы, значит, поступаем ей целину, ну, она будет хозяйка, там овощевать, готовить. А кто не согласится на это, лишь бы угол был. Мы вот так остались у этой бабы Кати. Уступали ей, конечно, огород. Она нам дала немножко картошки, и себе посадила, вот таким образом там пробыли. А потом работать надо, надо же чем-то жить. Я устроилась ученицей в эту... телеграфисткой. Мать у меня на копейках была, то кому-то что-то починит, кому-то что-то сошьет. Вот таким образом. Ну, а потом я в «Берлине» увидела в газете, что требуются ученики в это, сейчас оно называется ПТУ, что требуется. Только надо направление из колхоза. Я ушла с почты и пошла в этот колхоз. Меня направили на курсы комбайнеров. Проучилась я на эти курсы, давали 700 грамм хлеба, это

уже что-то, и похлебку. ... родителям, матери и сестре, а сама... Закончила эти курсы, для меня-то что было, я же почти, среднее образование у меня было, а там были, знаете, какие. Напривили меня, значит. А там пашни были, здесь колхоз, а там пашни были по 50, по 60 км от этой деревни. Не обуться, не одеться. В чем? У этой хозяйки было старое одеяло, мама сшила бурки мне. Какой-то старый. Короче, я поехала туда, а там раньше как? Косили, складывали на копна, потом скирды, а зимой моллотили этот хлеб на комбайне. И я вот на этом комбайне молотила это зерно. Холодно, все, а вот это приехала комиссия какая-то с райкома, поставлены люди. А я, это не сейчас, тогда была смелая, еще как-то была смелая, могла говорить с людьми. И я, значит, пошла туда и говорю: «Посмотрите, в каком я состоянии. Мне восемнадцатый год, Вы бы своих детей послали на комбайн?» Такое общество и кто там был? Это же страшное дело было, грязь и вообще распущенность. Это ж вообще что было. «Вот Вы закончили, мы Вас учили, Вы должны работать». – Я говорю: «Я работать больше не могу, обуйте меня, оденьте меня, дайте мне условия. У меня мать там, сестра, как они живут...» - «Мы Вас судить будем». – Я говорю: «Можете судить». Они уехали, как раз председатель приехал, раньше на бричках. Я этого попросила: «Отвези меня в деревню». – Он говорит: «Спроси председателя». – Я говорю: «Председатель меня уже...» Короче говоря, он меня спрятал. И я вот таким образом приехала в деревню, где моя мать жила и эта. И пошла в райком. А там женщина была, ой, не помню, откуда она была, какая-то партийная организация. Я ей стала говорить: «Вот так, я вся оборванная, опухшая, грязная. Вот так и так, - говорю, - я больше не могу на комбайне». Как вспомню. (Плачет)

Х.Х.: Она Вам помогла?

М.У.: Она мне помогла. И было еще, сейчас это артель была, там делали, там швейный цех был, валенки катали, пивный цех был, сапожный цех был, много таких было цехов. А там была еврейка с Киева главным бухгалтером.

Х.Х.: Как ее звали, помните?

М.У.: Я не помню. Она говорит: «Я с ней переговорю, ты пойдешь в ту артель, и тебя примут». А там был председатель инвалид войны, он был без руки. Звать уже не помню как его. Ну, короче говоря, меня приняли на эту работу кассиром. Я поработала немножко, а потом у нее муж где-то большим начальником был. И как раз это было при освобождении Киева вот это, шла война. И он прислал ей вызов, ей надо было уехать. И она мне вот это все передала. Тогда я не в курсе дела совершенно ничего, но что я успела? Там был ткацкий цех, и я маму устроила туда. Вернее, сестру на ткачиху, а маму в швейный цех устроила. И нам уже стало легче, все-таки в тепле да и 400 грамм хлеба. И втроем – это уже что-то. А подошло время, годовой отчет, мне со всех цехов отдают отчеты, а что мне с ними делать понятия не имею. Я эти все документы в мешок и поехала в Павлодар, вот. Поехала в Павлодар, поехала прямо в управление и там тоже эвакуированные, в основном, все эвакуированные работали. Главный инженер женщина была, говорит: «Ладно, я договорюсь с хозяйкой, возьму тебя на квартиру к ней. И будем как-то нанимать людей, чтобы годовой отчет сделать». Короче говоря, я там пробыла 3 месяца, пока я этот годовой отчет сделала да пока немножко в курс дела вошла. Ну, приехала, значит, опять в село Бураз. Приехала сюда, стала уже грамотная, уже бухгалтером была. И там проработала. А потом была Первым секретарем горкома партии города Шепетовки. И вот как только освобождали вот эти районы, где немцы были, сразу же их направляли. Она нас разыскала и прислала нам вызов, и мы приехали туда.

Х.Х.: В Шапитовку, да?

М.У.: В Шапитовку приехали. Сестру она устроила в библиотеке библиотекарем, а меня устроила бухгалтером картбюро, раньше ж карточная система была. Я уже, значит, работала бухгалтером, специалист. Вот так, а сестра закончила университет Московский иностранных языков. Я так и осталась бухгалтером. Мать, конечно, умерла у меня, сестра тоже после такого всего. Осталась я одна, короче говоря. Отец погиб, брат погиб, отец

под Севастополем. И из всей семьи осталась я одна. Потом, говорю, ждал меня парень, с которым я еще до войны дружила. Демобилизовали его по болезни, приехал он в Шепетовку. Мы поженились. Он уехал во Львов устроиться там на работу, меня забрал и так мы во Львове жили. Такая история моей жизни.

Х.Х.: А он кто по национальности был?

М.У.: Еврей. Еврей. ...

Х.Х.: Сын еще, он гооврил?

М.У.: А?

Х.Х.: Сын у Вас есть, да?

М.У.: Сын есть у меня, он работает инженером на почте. Работал, вернее. И жена у него, она вообще окончила университет в Калининграде, физмат. Работала здесь в школе. А потом он сказал, что ему нужна жена, а не учительница, а у них двое детей уже. Она, значит, ушла со школы и заочно поступила в Одесский институт связи, окончила уже, теперь работает инженером. Вот так. Внук мой окончил Бауманское с отличием. Да, в то время поступить в Бауманское с такой национальностью было не очень-то легко, но он окончил с золотой медалью школу. А сейчас работает.... В Москве.

Х.Х.: В Москве?

М.У.: В Москве. А внучка моя работает здесь на почте, тоже окончила Одесское связи и работает.

Х.Х.: А в Израиль кто-то поехал из Ваших родственников?

М.У.: В Израиль поехал мой младший сын. У меня два сына. Старший со мной здесь, а младший, он военный был.

Х.Х.: Как его зовут?

М.У.: Петя. Он военный был, он был майором, должны были ему присвоить после демобилизации подполковника. Вот. И он, значит, только в одно, там много в Ленинграде. Он раньше жил в Лануде. Он окончил училище прапорское, и ему дали выбор, так как он футболистом был. И он решил, поскольку он еще молод, он может поехать, а потом вернется сюда. Но это получилось, там ракетная часть, он ракетчик, ракетная часть и там без замены было. И он прослужил там 16 лет, а потом все-таки добился, и перевели его в Ленинград. Вот в Ленинграде он прослужил, потом демобилизовали его, и уехал в Израиль. У него сын учился в военном училище тоже, он его забрал, сказал, что здесь не будет, и они поехали вдвоем.

Х.Х.: А жена?

М.У.: А жена и дочка остались. Они в Ленинграде, а потом, когда он устроился уже, парня пристроил уже, тогда он вызвал их в Израиль. Они все сейчас там.

Х.Х.: Им хорошо? Они Вас приглашают?

М.У.: Ну, меня не приглашают потому, что знают, что я не поеду. Мне там делать нечего.

Х.Х.: Ну хотя бы посмотреть!

М.У.: В таком возрасте, 82-ой год, и с таким здоровьем там делать нечего. На прошлой неделе у меня внук был, приезжал оттуда, у него девушка из Симферополя. Вот он приехал к этой девушке. Получилось так. Они там жили, ей не понравилось, и они вернулись в Симферополь.

Х.Х.: Семья девушки, да?

М.У.: Семья девушки и девушка вернулись. Они все время переписывались и у него, я так понимаю, серьезные такие намерения, и он приехал, значит, туда к ней. Вот это они вдвоем с этой девушкой приехали ко мне познакомиться. Сейчас они уехали на море. Вот и все.

Х.Х.: Скажите. Когда Вы сюда переехали, как называлось это село?

М.У.: Курман-Кемельчи.

Х.Х.: Как-как?

М.У.: Курман-Кемельчи. Это татарское название.

Х.Х.: А где Вы жили? В каком доме?

М.У.: Где?

Х.Х.: Ну, вот здесь.

М.У.: Здесь? Я сначала, когда вот приехала сюда, жила у родителей мужа, со свекровью и свекром.

Х.Х.: Они... Откуда они?

М.У.: Они тоже крымчане были. Ну, типа свекровь с невесткой уживаются, тем более еще дети маленькие. И мы решили строиться. Но как это получилось, родители, вернее, тетка моя, мать, они были против. Со Львова уехать в деревню еще! Ну, раньше старой закалки дети как были? Родители сказали - это закон, это сейчас уже не слушаются. Ну, я... А мама и тетка поужезжали все, а я стала, двое детей, что, не будут чтить без родителей. И я поехала, пожила с ним немножко, стало трудно жить. Я написала тетке, чтоб она мне помогла, чтобы построить свой дом. Тогда ж было принято вообще стройки, это очень дешево тогда обходилось, а он работал у резника муж тогда. Короче говоря, тетя нам прислала 5 тысяч, на то время, сейчас на 5 тысяч ничего, а тогда это юбольшие деньги были. Взяли мы 12 с половиной тысяч и построили дом. И мы в своем доме жили. А он был инвалид 1 группы после войны. И пока был молод, это еще не так отражалось. А когда стало трудно нам жить, строился кооператив, мы продали свой дом и вступили в кооператив этот.

Х.Х.: А кто в Вашем доме сейчас живет?

М.У.: В нашем доме русская семья живет. Хорошая семья, но мы, честно говоря, продали и все. Мы как раз продали дом, выкупили квартиру, купили эту мебель, немножко одному сыну, немножко другому. 23 тысячи отдала, что, это деньги были тогда? Сейчас...

Х.Х.: Расскажите, а Вы празднуете какие-то праздники еврейские? Особенно как-то.

М.У.: Ну, особенно! Я Вам скажу, я обычаев этих не знаю. Вот. Но вот это общество наше: «Вот, присоединяйся!» Знаю, когда какой праздник, когда тчо.

Х.Х.: А родители Ваши праздновали?

М.У.: Мои родители, насколько я помню, до войны, когда еще девчушкой была, да.

Х.Х.: А что? Вот расскажите воспоминания.

М.У.: Я помню, как у нас хранилась вот эта пасхальная посуда. Вот это вот на чердаке. И то обнаружила, когда уже старше стала. Дети, знаешь, такие любопытные такие. Полезли на чердак, а там соломенная такая корзина была, и там это посуда была. Мы стали допытываться у мамы, что это такое. И она мне объяснила, что. Пасхальное такое вот. А так, чтоб особо, честно признаться, нет.

Х.Х.: На языке на каком говорили родители?

М.У.: Родители на еврейском языке говорили. И мои родители, и его родители.

Х.Х.: А Вы помните вообще какие-то стишки, песни?

М.У.: Абсолютно ничего. Я, честно признаюсь, я почти не разговариваю. А почему не разговариваю. Я росла, можно сказать, одна и то я училась в техникуме, я не с родителями была. Потом в классе, это то же самое уже, это мне и понятно. А потом уехали во Львльв с мужем, тоже не общались, не было такого. Ни я, ни дети своего языка мы не знаем.

Х.Х.: А что-то Вы помните вот вообще из языка?

М.У.: Ну, вообще, если так кто-то говорит или вот песни другой раз, я понимаю. Перевести значение с еврейского на русский – этого я уже не могу. Это только лишь по смыслу уже определяешь, что имеется в виду.

Х.Х.: А какой Вы понимаете: идиш или иврит?

М.У.: Идиш. Иврит откуда у нас, иврит – это ж старинный язык.

Х.Х.: А Вы не помните вот какие-нибудь названия на идиш или вот чего-нибудь такое? Может, посуда как-то по-особому называется?

М.У.: Нет. Не буду я Вам говорить того, что нету. У меня семья вообще такая смешанная. У старшего сына русская жена, у младшего то же самое, так что.... У внуков то же самое. Так что я теперь не знаю, кто я! (Смеется)

Х.Х.: Скажите, у Вас сохранялась вот эта посуда пасхальная, то есть Вы отмечали вместе с семьей какие-то праздники?

М.У.: Мы отмечали в то время, в те годы до войны, да. Там отмечалось. Тем более там были еврейские колхозы. Там и синагога, я помню, я однажды с отцом ходила. Помню, я только не знаю, как оно называется. Вот накидывали скатерть, потом что-то закрепляли. С детства это помню, но что к чему, я не скажу, я не знаю. Знаю, что когда мы со свекровью жили, так мы вот.... В Симферополе же синагога была, и пекли мацу. Знаю, что мы здесь ее покупали.

Х.Х.: А вот та вот синагога, куда Вы с отцом ходили, она где была?

М.У.: Это было в Сакском районе.

Х.Х.: А точно не помните, где?

М.У.: Не помню я, не помню. Это же сколько лет, Вы что! Нет, не помню. Это 33-ий. 34-ый год. Память: положишь тут, а не знаешь, где. (Смеется) 82-ой год.

Х.Х.: Скажите, а Вы помните что-нибудь о похоронах, как хоронили? Обычаи какие-то, традиции.

М.У.: Не знаю. Я знаю, что мать, когда умерла, по-русским обычаем уже хоронили, мужа уже своего тоже по-русски. Знаю, у меня приятельница в Симферополе.... И невеста моего старшего сына говорит: «Мама, может, ты хочешь похоронить по-своему?» - Я говорю: «Рая, я не знаю». Мне позвонили приятельницы из Симферополя, спросили, какие обычаи, что. Она говорит: «Я не знаю». И похоронили его так. А так, чтоб помнить, когда где похороны, я не помню.

Х.Х.: А свадьбы какие-то помните? Традиционные.

М.У.: В моем присутствии, как говорится, не было. Я окончила 9 классов и сразу же поехала.

Х.Х.: А сколько Вам было лет, когда Вы сюда переехали вот с Винницкой области?

М.У.: С Винницкой области когда я переехала? Короче, я не помню. Я со Львова приехала сюда в 58-м году. Это мне было 33 года. Вот это я помню, а так...

Х.Х.: А какие у Вас были соседи? (Звонит телефон) В Винницкой области когда Вы жили? Среди еврейского населения?

М.У.: Вообще это был еврейский район, это на улице Ленина в Виннице. А соседи? Сколько мне тогда было, я же совсем дите была еще. Я не помню. Сколько мне было тогда? 24-ый, 33-ий, это 11 лет мне было. Что я помню?

Х.Х.: А здесь вот какие соседи у Вас были? Когда Вы переехали в Крым.

М.У.: Когда я переехала в Крым? Ну, соседка Парадис очень хорошая была, сейчас они в Германии. Уехали.

Х.Х.: А кто они по-национальности?

М.У.: Евреи. Потом кто еще там был? С этой стороны старые люди русские были. А там построились и там вообще новая улица, евреев не было. Работала я на виносоковом заводе в бухгалтерии.

Х.Х.: Как к Вам относились?

М.У.: Нормально. У нас очень дружный, очень дружный коллектив был, когда я работала в бухгалтерии. Очень дружный. Ходят, звонят, вот Бочкарева, или постоянно перезваниваемся. Она работала на расчетах, а я производство вела.

Х.Х.: А вот с той еврейской семьей, которая...

М.У.: Парадис?

Х.Х.: Парадис. Вы как-то общались?

М.У.: Конечно.

Х.Х.: Праздновали что-то?

М.У.: Праздновали, общались, мы очень дружили. Они жили рядом со свекром моим. Очень хорошие люди. Володя, муж этой любви, работал же шофером на этом заводе, где я работала. И муж там работал, он был болгаром, Володя-шофер. Мы дружили, с детьми дружили. У нее дети почти такого же возраста, как и мои были. Вместе учились. Так что очень хорошо дружили.

Х.Х.: А они традиций придерживались?

М.У.: Нет. Нет. Вы знаете, современные вот после войны уже нет, не придерживались. Потому что в основном... Я даже не могу понять, почему и как. После войны вообще тут было как-то не очень так. До войны так праздники, не работали и все. А после войны почти старого такого поколения не было, а молодежь – комсомольцы, пионеры.

Х.Х.: А как Вы познакомились со своим будущим мужем?

М.У.: Как познакомились? Мы даже родственники были. А почему? Моего отца брат дружил с моим теперешним мужем сестрой. И вот они поженились. И вот через них на свадьбе мы познакомились. И мы дружили, а потом началась война, его забрали. Мы эвакуировались. А потом уже после войны он стал меня разыскивать.

Х.Х.: А Вы вот ходили куда-то? Какае-то мероприятия, может быть, посещали? Как вот в то время именно молодежь?..

М.У.: В то время молодежь, вот, допустим, я, когда в кохозе Молотова мы ж жили. Так так было. Вечером, бывало, где-то соберемся возле какого-нибудь дома и так играли. В «Разбойники» и «Третий лишний», вот такие вот игры. Не было ж такого, чтоб как-то, а потом уже кино стало приезжать. Сначала немое, а потом уже звуковое стало приезжать. А так чтоб это... А потом у нас в колхозе была четырехлетка, а с 5 класса уже в общежитие, в интернат. В колхоз приходили к нам по 5 км, так летом мы ходили пешком, а на зиму в интернате жили. Там же вообще свои были, как говорится. Так что особого такого ничего не было. По сути в моей жизни ни юности, ни молодости, ничего не было, кроме войны. А потом восстановление после войны, а потом замужество, потом дети. Хорошего ничего. Болел без конца.

Х.Х.: А Ваш муж придерживался каких-то традиций?

М.У.: Нет.

Х.Х.: А семья его?

М.У.: Я не знаю. Семья после того, как мы ушли, отец умер, а потом мать вскорости, через 5 месяцев умерла.

Х.Х.: А в еврейских колхозах Вы что-то помните, что-то особенное?

М.У.: Ничего я не помню. Ничего такого и не было потому, что там же воды не было. Зелени почти что не было. Я вот помню, что в нашем колхозе, допустим, где мы жили, там зелени не было потому, что не было поливной. Хлопок выращивали и баштан, а так больше ничего и не было.

Х.Х.: А кто там работал? Евреи или все работали?

М.У.: Там евреи все работали. Евреи, русские, все. Там не было, я Вам скажу, что у нас не было разницы, мы не различали, где русский, где еврей, где что. Ни по одежде, ни по разговору, ничего не было. Никаких различий, все дружили. Очень дружно было.

Х.Х.: Иногда даже трудно было понять?

М.У.: Да. Вот, допустим, в нашем колхозе было очень много татар. У меня где-то даже была, я не знаю, сохранилась или нет, фотография. Тоже парень, мы дружили с ним, хоть бы когда-то то-то. Никогда. Я помню, я училась в техникуме, это 12 км от Саки, а потом еще там километров 17 было. А они уже как-то старше были и не учились, а работали в колхозе. Так они, бывало, если я не приезжала домой, у меня ж отец председателем был, он, бывало, пришлет... привезите меня домой. Ну, как обычно, Вы знаете. А другой раз не успела, приеду. Куда? Я ж говорю, у меня не было никаких различий, или он татарин, или то я еврейка, или он русский. Не было такого. Вот живем, строквартирный дом. И я в этом доме одна еврейка. Никакой разницы нет.

Х.Х.: А вот до войны, когда Вы еще в Виннице жили, вот интерьер квартиры, убранство дома, было что-то национальное?

М.У.: Я не могу Вам сказать. Я не знаю. Я не знаю.

Х.Х.: Скажите, а вот родители в детстве рассказывали какие-то сказки, какие-то легенды или, может быть, пели какие-нибудь песни, стихи?

М.У.: Я, знаете, что Вам скажу? Что отец председатель, его дома никогда не было. Вечно он был занят, вот. Мама обычно, у нас хозяйство большое такое, я помню, и корова была, и куры были, и она еще шила. Так что заниматься ей нами просто некогда было. Почти что не уделяли никакого внимания, мы росли сами по себе. Раньше как было? Это сейчас все для детей, все трусишься, а раньше этого не было. Единственное помню, бывало, придет комиссия или что, так обычно к нам возили. Все, что надо решалось и все. Всегда: «Айда на улицу! Где твои подружки?» Вот это я помню. Вот я другой раз приеду с интерната домой на субботу, воскресенье, я тулилась к маме. Приютит меня и тут же говорит: «Так, доченька, вот это ты помоешь, это ты сделаешь». Я должна, все.

Х.Х.: А субботу как-то праздновали?

М.У.: По-моему, нет. Не знаю. Нет, мы уже субботу не праздновали потому, что я помню, она как-то говорит: «Когда ты уже научишься козу доить, чтоб мне не это...» Это было как раз в субботу, я приехала с интерната. «Когда ты уже научишься козу доить, чтоб мне, мол, времени меньше тратить». Вот это я помню.

Х.Х.: Скажите еще, а Ваши внуки, Ваш сын, которые живут в Израиле, они довольны жизнью? Что они рассказывают о жизни в Израиле?

М.У.: Они довольны жизнью, но трудиться надо очень сильно в Израиле. Вот внук сейчас приехал, говорит, что, наверное, отец вернется в Ленинград, квартира у него там сохранилась. Я говорю: «Чего?» - «Да вот немножко подкопить еще денег потому, что ему все-таки уже 56-ой год, а по 16-18 часов уже трудно работать». Там несладко, чтобы что-то было, надо работать.

Х.Х.: А жена работает его? Как ей там живется?

М.У.: Ну, наверное, неплохо живется. Потому что говорит, мать в Турцию ездила отдыхать. Она работает в универмаге продавщицей, а на бухгалтера закончила Симферопольский.

Х.Х.: А внук тоже хочет вернуться обратно?

М.У.: Вернется. Мать-то нет, а он вернется.

Х.Х.: Насовсем?

М.У.: Да, насовсем в Симферополь.

Х.Х.: Он уже решил это?

М.У.: Видимо, решил. Потому что я спросила: «Как ты думаешь дальше?» А почему я спросила? Он окончил университет там, а там, говорит, на работу устроиться очень тяжело после университета, надо, чтобы практика была. Принимают в основном людей, которые уже понимают что-то. Я говорю: «А ты где сейчас работаешь?» - Он говорит: «Посудомойщиком». - Я говорю: «Если чего, давай приезжай сюда, Эдик тебя устроит». Старший внук, то он в Москве. «У него знакомства, большой пост, то есть сможет устроить тебя по специальности, и будешь работать». А девочка эта его говорит: «А как я? Тебе еще 2 года учиться, за это время ты тоже закончишь институт, а потом уже видно будет. Если там пробить, так практика будет, что, на работу легче в Симферополе будет устроиться?» Вот такой был у нас разговор, а дальше что будет?

Х.Х.: Значит, он решил вернуться?

М.У.: Да, он решил вернуться.

Х.Х.: А вот что для Вас Родина?

М.У.: Что?

Х.Х.: Родина. По-Вашему, где вот Ваша Родина?

М.У.: Моя Родина там, где я родилась, где я выросла, где мне дали все, что нужно. Вот это моя Родина.

Х.Х.: Вы же родились в Виннице.

М.У.: Все равно Украина.

Х.Х.: Ну, Вы имеете в виду страну.

М.У.: Я имею в виду страну. Я не знаю ни обычаев, ни языка, ничего. Что я там сделала или что они для меня сделали? Я считаю, что она нас считают вообще хоть в Израиле, хоть в Америке, хоть где вторым сортом. Я вот это, она мне часто звонит вот эта Люба, что я Вам говорила, в Германии. Я ей сказала, она, мол, очень хорошо, квартиру дали тому и хорошо, но упала, и она на костылях ходила. Там ей сделали операцию, сейчас она ходит хорошо, и ее послали...

Х.Х.: В санаторий?

М.У.: Да. А что, я говорю: «Слушай, как бы там не было хорошо, ты забыла, что немцы делали с нами? Что творили? Я бы даже близко не могла подойти, одно слово «немцы» этого для меня достаточно». Потому что я видела, когда мы эвакуировались, что творилось. Мы как раз попали под десант, столько наших легло: и военных, и эвакуированных. Бывало, дем вот так, а они низко спустятся самолетом и обстреливают. Так как же можно сейчас им доверять? «Да нет, это было другое время». Ей нравится, она довольная, а я бы не поехала. Спросите моего старшего сына, он ни за что не поедет. Он даже слушать не хочет.

Х.Х.: Кстати, мы бы хотели пообщаться с Вашим сыном. Можко с ним пообщаться?

М.У.: Давайте. Дома, я бы вот спросила, он сейчас дома.

Х.Х.: Ну, возможно, не сегодня. А, может быть, и сегодня. Можете сказать его телефон или адрес? Как найти?

М.У.: Энгельса 120, кв.5, 23255 – телефон.

Х.Х.: Скажите, а Вы отмечали какие-то советские праздники?

М.У.: Советские? Всегда: Октябрьское, 1 мая, 8 марта. Всегда.

Х.Х.: А расскажите, как? А христианские праздники с соеядями отмечали?

М.У.: Нет. (Смеется) Вот такие вот, да. На работе вот, а чтоб вот такие религиозные...

Х.Х.: А дома Вы что-то готовили там?..

М.У.: Это какие праздники?

Х.Х.: Ну вот советские праздники.

М.У.: Ну, нв совеские, конечно, готовили. А как же!

Х.Х.: Расскажите.

М.У.: Ну, как, ну что тогда было? Конечно, сейчас совсем другие блюда. А тогда что было: холодец, салат, вот такое вот, рыба фаршированная вот. Обычно так принято. Знаете, я Вам скажу, сильно в достатке мы не жили так, чтобы... А на чисто зарплате, как мы сейчас понимаем, далеко не уедешь. Да и двое детей учились. Вот такое.

Х.Х.: А Вы, может быть, помните каких-то или знаете каких-то евреев, которые живут сейчас в этом городе?

М.У.: Их почти что нету, выехали. Вот на Петровке, там есть. Вот бывший председатель колхоза Егудин, его сыны там живут, Мереминские там живут, вот это я знаю. Это «Дружба народов», колхоз.

Х.Х.: Угу. Большое спасибо Вам, Вы нам помогли.